

Ночная гроза

Ночь опустилась. Тучи заслонили звёзды и луну, и — как и обещал прогноз — над Яо-цунем развернулась сплошная пелена дождя.

Участники съёмок заночевали в старом деревенском общежитии. Условия — спартанские: мебель обшарпанная, стены тонкие, слышно всё.

Около трёх ночи дождь усилился. Шум стал гулким, барабанил по жестяной крыше, а гром, катясь по небу, напоминал затаённое рычание чудовища.

На общем полу, где стояли жёсткие деревянные кровати, спать было мучительно. Цун Цзиньюэ проснулся от шума и больше уснуть не смог.

Не желая будить остальных, он осторожно поднялся и вышел из комнаты. В коридоре стояла крошечная тьма.

Глаза едва различали очертания. Вспомнив, что туалет где-то возле лестницы, он двинулся туда, ощупывая шершавую стену.

Почти нащупав перила, он вдруг услышал за спиной лёгкие шаги и дыхание — и в следующее мгновение кто-то тёплый, пахнувший чем-то свежим, налетел на его левое плечо.

Оба не удержались на ногах. Цун успел лишь обхватить второго за талию — и тут же грохнулся спиной о пол. Плечо больно ударилось о стену, из груди вырвался тихий стон.

— Угх... — сверху кто-то тоже болезненно застонал: это был Чжан Хуайсуй. Его нос пришёлся прямо на ключицу Цуна, отчего в глазах потемнело. Услышав, как тот зашипел от боли, он встревожился, вслепую потянулся рукой:

— Ты цел? Куда ударился? — торопливо спросил он и, шаря в темноте, нащупал грудь, потом плечо, подбородок... и вдруг — губы.

Воздух замер.

Остались только дыхание и шум дождя.

В тот момент вспышка молнии на миг озарила коридор.

Чжан увидел совсем близко лицо Цуна — красивое, но в этот миг ироничное, с тенью насмешки. Его собственные пальцы всё ещё касались чужих губ.

Свет погас, снова тьма. Гром.

Двое лежали, не двигаясь. И вдруг в темноте, почти у самого уха, прозвучал низкий, хрипловатый голос:

— Учитель Чжан... Ну как, приятно на ощупь? Уже нащупался?

Чжан будто обожгло. Он отпрянул, вскочил, с трудом находя равновесие. Вся неловкость мгновенно сменилась раздражением:

— Почему это опять ты?! Ты ходишь без звука, что ли?

— А ты, значит, с шумом ходишь? Это ты врезался, — процедил Цун, опираясь на стену и потирая ушибленное плечо. — Что, нельзя выйти ночью в туалет? В темноте я вообще подумал, что ты покушаешься на мою жизнь.

Он поморщился, сжав плечо: — А-а... похоже, кости целы, но жить больно.

Чжан неловко потер нос. Не знал, куда деваться.

Наконец выдавил сухо:

— Ну... ты, кажется, живой?

(Да куда он денется, — с сарказмом подумал про себя, — сорняки не вымирают.)

Цун усмехнулся:

— А если скажу, что нет? Ты что, выступишь компенсацию?

Тишина.

— Шучу я. Всё нормально, дышу, — отмахнулся он.

Молчание затянулось. Потом Цун не выдержал:

— Так что, Чжан-лаоши, ты собираешься стоять тут вечно, или всё-таки пойдёшь? А то выглядит... двусмысленно.

— Псих, — процедил Чжан и сквозь зубы добавил: — Ты первый.

Цун пошёл, нащупал дверь туалета, нажал выключатель — света нет, видно, гроза выбила электричество. Пришлось справляться в полной темноте.

Тесное помещение пахло сыростью, с потолка капала вода. Но, по крайней мере, было чисто.

Пока он был внутри, Чжан стоял в коридоре, стараясь не смотреть в ту сторону. Молния мелькнула, и он невольно заметил смутную фигуру за приоткрытой дверью. Быстро отвёл взгляд, чувствуя себя идиотом:

Нормальные люди закрывают дверь, когда...

Но уши всё равно ловили каждый звук.

Потом Цун вышел, уступив место. Чжан вошёл — и обнаружил, что засов сломан.

— ...Прекрасно, — выдохнул он, обречённо.

Через несколько минут он вернулся и увидел, что Цун стоит у окна, почти сливаясь с тьмой. Лицо — бледное, застывшее в отблесках молний.

Если бы тот сейчас медленно повернул голову на девяносто градусов, Чжан бы, пожалуй, не выдержал.

— С тобой точно всё нормально? — спросил он, сомневаясь, зачем вообще говорит.

Цун медленно моргнул:

— Всё нормально. Иди, я ещё постою. — Голос у него был хриплый, глухой, будто он проглотил все слова, что не решился сказать.

Что значит «я ещё постою»? Мы что, теперь ходим в туалет парами? — мысленно взорвался Чжан и поспешил к двери.

Но, проходя мимо, споткнулся — и снова кто-то поймал его за руку.

— Цок, — раздался ленивый голос, — да у тебя, похоже, ночная слепота. За ночь уже второй раз падаешь.

Чжан метнул на него убийственный взгляд:

— Отпусти.

Цун отпустил сразу, без обычных шуточек. И именно эта внезапная тишина смутила сильнее всего. Обычно он язвил до последнего — а сейчас стоял какой-то... глухой, влажный, будто сам растворился в этой сырости.

Чжан отвернулся, решив, что просто устал. В последний раз глянул в окно — чёрная тьма, дождь, глухие горы. Смотреть не на что.

Цун стоял неподвижно. Капли ветром влетали в окно, били по коже, заставляя его вздрагивать. Боль в плече стихла, но тяжесть в груди — нет.

С тех пор, как они приехали в деревню, его настроение всё сильнее тонуло.

Каждая вспышка молнии освещала лужи под окнами — и он видел в них небо, полное воды, будто глаза, готовые расплакаться.

...и воспоминания нахлынули.

[На экране — сцена из старого сериала:]

Полицейский мчится по мокрому переулку, вспышка ножа, бой, щёлк — наручники защёлкнулись.

...

Дверь открывается. Женщина выходит из спальни и видит сына, залипшего перед телевизором.

— Ах ты, мелкий! — с досадой треплет ему волосы. — Поздно уже, а ты не спишь!

— Мам, мам, смотри! — мальчик хватается её за руку. — Смотри, какой полицейский классный! Правда, красивый?

Она не выдерживает и смеётся, ущипнув его за щёку:

— Красивый, красивый. Но если ты сейчас же не пойдёшь спать, завтра продам этот телевизор к чёртовой матери!

...

Потом, уже на съёмочной площадке, та же женщина стоит под зонтом и ждёт сына — теперь

уже актёра. Смотрит, как он падает, как играет мёртвого, как его отчитывает режиссёр.

А вечером обнимает, шепчет: «Сердце болит, не могу смотреть, как тебя мучают...»

А он улыбается:

— Мам, всё хорошо. Строгий режиссёр — это хорошо.

Она всегда спрашивала:

— Обязательно ли тебе играть? Так тяжело, мне больно смотреть.

А он отвечал:

— Это моя мечта. Я не брошу.

Дом постепенно заполнялся наградами, постерами, фотографиями со съёмок. Она расставляла их с гордостью, будто это были драгоценности.

А потом — всё оборвалось.

Они с отцом собирали вещи, упаковывали в коробки всё, что напоминало о прошлом. Продали квартиру. Вернулись в родной город.

С собой взяли лишь небольшой фарфоровый урочный сосуд.

Пламя крематория сожгло не только тело матери, но и половину его собственной души.

Живой, но как будто умер.

...Шорох двери вернул Цуна в реальность. Тело ныло, будто заржавело.

Снова шаги.

Луч фонарика полоснул по темноте.

Он прищурился — и увидел Чжана.

Тот стоял в нескольких шагах, брови сдвинуты, губы сжаты в линию, взгляд колющий, почти обвиняющий.

— ? — Цун моргнул. — Учитель Чжан... бессонница? Опять в туалет?

Чжан побагровел мгновенно.

Вот идиот! Кто вообще так выражается?!

Он, собственно, и вышел только потому, что не слышал, чтобы тот вернулся, — вдруг тот снова грохнулся, мало ли.

Всё раздражение вспыхнуло разом. Он шагнул вперёд, сунул фонарь Цуну в руки и рявкнул:

— Проверял, не убился ли ты.

И, не глядя, развернулся и ушёл. Дверь за ним хлопнула.

Цун остался стоять.

Пару секунд — тишина. Потом он негромко рассмеялся:

— Хех...

Учитель Чжан — человек странный: злится быстро, заботится по-своему.

Ругает — будто ласкает, заботится — будто сердится.

Лучи фонаря, направленные вверх, вырезали из темноты его профиль — резкий подбородок, лёгкая усмешка, блики по скуле.

Он выглядел так, будто сам светится изнутри.

За окном дождь постепенно стихал.

Ещё немного — и рассвет.

<http://bllate.org/book/12072/1079746>